

Теперь, когда он об этом подумал, Мика и Алек действительно смутно были похожи. Мика был ниже, но его светлые волосы и слегка острые глаза напоминали спонсора.

Пока он, задержав ответ, рассматривал Мику с головы до ног, тот встревожился.

— О, нет? Только не говорите, что здесь его характер не считают ужасным?

— Ужасным... можно сказать и так. По ощущениям я согласен, но я внезапно не уверен, насколько уместно сразу формировать с вами общую точку зрения, учитывая, что мы знакомы всего один день.

— Да какая разница, если это правда? Боже мой, я уже думал, что он тут притворяется приличным человеком, но, конечно, нет. Не переживайте, думаю, вы не единственные, у кого с ним плохие отношения.

Мика с хрустом прикусил край мензурки. Он ворчал с лицом человека, который жуёт яд.

— Он позвонил мне спустя несколько лет и сказал: «Я хорошо заплачу, приходи в мою команду!» Как будто я у него что-то оставил на хранение. А потом просто требует с нуля построить машину для первого пилота команды. Не понимаю, почему у него с каждым годом всё хуже характер.

— ...Он так и сказал?

— Конечно! Ну, я собираюсь вернуть всё деньгами. Но всё равно мне было любопытно. Потому что он специально назвал вас, господин Дэниел, и сказал построить машину для вас. Я впервые вижу, чтобы он делал что-то подобное.

— ...

— Мне стало интересно, что с ним произошло, но теперь я понимаю. Вы показывали хорошие результаты даже с той машиной, так что все будут в шоке, когда её улучшат...Хотя теперь, когда я это произнёс, ответственность ощущается огромной.

Алек, должно быть, привёл такого специалиста, чтобы получить результат.

Даже если он не интересовался спортом, он не был человеком, который небрежно управляет тем, за что взялся.

Но означало ли это, что существование Дэниела Линдберга всё-таки хоть немного повлияло на его действия?

«Слишком уж удачное совпадение, чтобы списать на самовнушение».

Тот человек, который месяц назад велел ему освободить место и исчезнуть, теперь привёл союзника, надёжнее любого другого. Пусть это и не было томатным ростком, но он, по крайней мере, оставлял после себя нечто вроде зелёного лука — с едва уловимым оттенком насмешки.

Это было состояние, когда ненависти было достаточно, но отвращения уже не оставалось. Он почувствовал, как раздражение, сидевшее внутри, словно несварение, начало немного растворяться.

Когда Дэниел невольно усмехнулся, выражение лица Мики полностью изменилось. Он внимательно посмотрел на него, словно сравнивая две картинки в игре «найди отличия», и

осторожно заговорил:

— Господин Дэниел, можно я тоже задам вопрос?

— Конечно.

— У вас случайно нет братьев или сестёр?

— ...

От неожиданности Дэниел замолчал, сжав губы, как ракушка. Лишь спустя долгое мгновение он смог ответить с лёгкой шуткой:

— Зачем спрашиваете? Хотите познакомиться меня со своей младшей сестрой?

— Нет, не поэтому. Просто... вряд ли наши пути могли пересекаться, верно? Я до прошлой недели был на базе в Антарктиде, фотографировал пингвинов. Но мне кажется, что я вас где-то видел. Почему-то вы кажетесь знакомым. Что это такое?

— У меня есть младший брат. Но он вряд ли мог быть на антарктической базе.

— Хм, да, верно. Значит, я ошибаюсь?

— Возможно, вы видели его на экране. Мой брат — актёр.

— А?

Мика, словно у него в голове зажглась лампочка, даже не заметил едва уловимого изменения атмосферы у стоящего перед ним Дэниела. Голос Мики, когда он придвинул стул ближе, от возбуждения поднялся на октаву.

— О, о! Джошуа Линдберг! Точно, вы же братья! Теперь, когда я смотрю, вы так похожи! Ваш брат ведь снимался в одном фильме, да?

— Да. Наверное.

— Один из моих коллег на антарктической базе обожал этот фильм. Мы часто смотрели его вместе. Вот почему вы казались таким знакомым! Но тогда... постойте, не говорите мне, что ваша мать — Наоми Меркьюри?

— Верно. Хотя я вижу её нечасто.

— Вооооу!

Мика был поражён, как ребёнок.

— Это потрясающе. Вы пилот F1, ваш отец — чемпион мира, а мать и брат — актёры... Значит, такие семьи знаменитостей действительно существуют. Увидеть это своими глазами невероятно.

— По сравнению с моими родителями мы с братом довольно обычные. Они как раз и знамениты.

— И всё же. Я завидую!

— ...

Интересно. То, что вы видите, — это, вероятно, не вся картина. Это как губка. Снаружи форма может казаться идеальной, но внутри полно пустот.

В мире есть отношения, которые лучше оставить пустым пространством. Для Дэниела Линдберга его семья была именно такой, и его родители — тоже.

Без полученной и удержанной привязанности, доверия или уважения братья высохли. Они разошлись, разрывая друг друга в клочья, чтобы найти собственный путь к жизни, и с тех пор не поддерживали связи. Даже теперь, когда он выиграл Гран-при, ничего не изменилось. Что тут можно было бы назвать завидным?

— Мне понравился кофе. Пожалуй, мне пора идти.

— Верно, я и так задержал тебя слишком надолго. Было приятно познакомиться, Дэниел.

— Взаимно. Надеюсь на сотрудничество, доктор.

Его грудь ощущалась холодной, словно по животу провели скальпелем, но горло было липким, будто дыхание запуталось внутри.

Не желая, чтобы его застали с этим странно тлеющим чувством, Дэниел привычно улыбнулся.

□

Он вышел из душевой кабины, влажный после душа. Снаружи ещё стоял предрассветный мрак, ночь не успела рассеяться. Алек смотрел на своё отражение в зеркале с обнажённым торсом.

Зеркало было честно. Оно отражает суть вещей. Если рельефные мышцы и изящные светлые волосы были оболочкой Алека Уокера, то пустое запястье, лишённое часов, было его ядром, его сущностью.

Даже сожаление, наполненное раскаянием, не способно заменить ни умершего человека, ни ушедшего времени.

Эти часы он не снимал с момента, когда осознал это. И теперь они находились у другого человека, как залог. Дэниел Линдберг. Противник, само имя которого раздражало до скрежета.

Если бы ты знал, ты бы посмеялся надо мной за такую суету из-за одних часов.

Это действительно была неудачная сделка. Дыхание Алека, заполнявшее тишину, было таким же глубоким, как и его осознание.

Часы, ставшие частью его кожи, оставили после себя резкую пустоту. Но и выбрать новые было непросто. Нельзя же носить на запястье мусор.

Конечно, в витринах были часы всех премиальных брендов, но по сути они ничем не отличались от мусора — в них не было ценности.

Если говорить о стоимости, то трофей, который привёз Дэниел Линдберг, вероятно, стоил дороже. Ведь это был предмет, подтверждающий ценность имени Линдберг, добытый тем, что он выжимал максимум из трассы, отчаянно вёл машину и финишировал.

— Если хотите результатов, то выходите на ту же шахматную доску. Играйте с нами всерьёз.

Алек вспомнил голос Дэниела, дрожащий от злости.

Играть всерьёз вместе.

Дэниел Линдберг, похоже, даже не понимал, насколько сложное требование он выдвинул.

Всё на шахматной доске просто и очевидно. Пешка — разведка, конь — продвижение, слон — давление. Ладья — захват, ферзь — обман, король — финал. Непонятно, что в этом может быть увлекательного. И при этом он был игроком, который по праву рождения мог перевернуть всю доску.

Суть спорта — соревнование, и если это не моя борьба, то в итоге это лишь чужое противостояние. Как можно радоваться чужому успеху так, будто он свой собственный?

Только Дэниел находится в болиде. Поражение и успех принадлежат только ему. И непонятно, как к этому можно вообще добавить слово «вместе».

Затраты утомительных и непонятных издержек времени и вложение ресурсов — то, чего сама сущность Алека не могла позволить.

Таков был Алек Уокер, отражённый в зеркале.

Привычка страшной одержимости временем и результатом укоренилась в нём как неизменный фундамент, из-за чего он жил жизнью, полной сожалений, но двигался по инерции, продолжая дышать и существовать.

И так было всегда, и, вероятно, так и останется.

«Снова».

Он ловил себя на том, что слишком часто думает об этом гонщике. И это тоже — пустая трата времени.

Алек подавил эту мысль и оделся. В этот момент телефонный звонок нарушил тишину.

— Что надо так рано утром?

Это был Мика Хаузер.

[Ты не можешь просто сказать нормальное «алло»?]

— Я и так знаю, кто звонит, нет необходимости подтверждать личность.

[Просто отвечай нормально. Подумать только, я отказываюсь не только от антарктических пингвинов, но и от полярных медведей ради такого человека. Меня внезапно накрывает чувство бессмысленности.]

— Я не собираюсь слушать лекции о нормальности от человека, который планировал за месяц покорить и Южный, и Северный полюс.

[Почему? Ты же каждый день пересекаешь экватор, проходя больше 180 градусов. Разве есть закон, запрещающий делать то же самое по долготе? Ты вообще знаешь, сколько рейсов

ежедневно летает из Нью-Йорка в Шанхай?]

— Разговор с тобой утомляет. Что тебе нужно? Говори за пять минут.

Мика недовольно проворчал.

[Я так и знал. Я уже отправил подробности по электронной почте.]

— Тогда я могу сразу повесить трубку.

[Эй, и главное — ты знал, что господин Дэниел Линдберг — брат Джошуа Линдберга?]

Рука Алека, уже готовая отбросить телефон, застыла.

— ...Кто это.

[Тебе иногда стоит читать раздел развлечений в газете. Или хотя бы смотреть фильмы.]

<http://bllate.org/book/17841/1719163>